

ВОСПОМИНАНИЯ ПОЛКОВНИКА Я. М. РОЗЕНБАУМА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ВОСТОКЕ РОССИИ В 1918–1920 ГОДАХ

История Гражданской войны в России буквально на наших глазах наполняется новыми смыслами и деталями, чему заметно способствует введение в научный оборот ранее неизвестных исторических источников. Особенно важно развивать эту работу применительно к тем вопросам, которые остаются малоизученными. В полной мере это относится к истории антибольшевистского движения на Южном Урале, участники которого в 1918–1920 гг. в буквальном смысле пешком прошли колоссальный по своей протяженности путь от Поволжья до Западного Китая.

Одним из перспективных направлений является введение в научный оборот материалов на иностранных языках, которые по причине языкового барьера недоступны российским исследователям. К таким источникам, в частности, относятся написанные на эстонском языке воспоминания полковника Якова (Яака) Михайловича Розенбаума «Письма о Гражданской войне в России»¹. Нашей коллегой П. А. Оскольской выполнен полный перевод этих воспоминаний на русский язык, что позволяет проанализировать их применительно к реалиям Гражданской войны в России, а также подготовить научную публикацию источника. Воспоминания Розенбаума по крайней мере дважды издавались в Эстонии — в 1938 и 2015 гг. По сути, это мемуары, изложенные в письмах к брату по следам событий еще в конце 1919 — первой половине 1920 г. Всего опубликовано четыре письма: от 31 декабря 1919 г. (13 января 1920 г., дописано 28 января 1920 г.), не датированное второе, от 22 июня 1920 г. и от 25 июня 1920 г. Первое и третье письма довольно объемные и составляют десятки страниц, а остальные два — короткие.

Кроме того, перу Розенбаума принадлежат незаконченные и неопубликованные воспоминания о Сызранской дивизии, написанные на русском языке². Эти воспоминания достаточно подробны, но в то же время в силу своей незавершенности охватывают очень небольшой промежуток времени — еще до возникновения самой дивизии. В основном в них описывается обстановка в Сызрани накануне и в период свержения советской власти летом 1918 г., а также в первое время под властью Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуча). Мы также пользовались этим источником.

Яков Михайлович Розенбаум родился 1 ноября 1871 г. в Кясской волости Вильяндиского уезда Лифляндской губернии в крестьянской семье. Получил домашнее образование, затем окончил Виленское пехотное юнкерское училище (1901). Служил в 179-м пехотном Усть-Двинском полку, с которым принял участие в Первой мировой войне. Полк был дислоцирован в Литве, а позднее переведен в Сызрань.

Начав войну штабс-капитаном, Розенбаум закончил ее полковником. В чине капитана 25 августа 1914 г. под Люблином был тяжело ранен в обе ноги³. Награжден Георгиевским оружием за храбрость, проявленную в том же бою: «...после того, как начальник отряда был убит... вступил в командование отрядом и под убийственным ружейным и пулеметным огнем довел его до дистанции 150–200 шагов; уловив удач-

ный момент, первым бросился в атаку, увлекая за собой батальоны, и взял первую линию окопов; приведя людей отряда в порядок, последовательно выбил противника из целого ряда окопов, завершив конечный штыковой удар во главе 5-й роты, но в это время получил две тяжелые раны в ногу с раздроблением костей. Не позволяя себя уносить с поля сражения, продолжал управлять отрядом и отдавать распоряжения, пока не потерял сознания»⁴.

Также в войну офицер получил ордена Св. Владимира IV степени с мечами и бантом⁵ и Св. Анны III степени с мечами и бантом⁶. 15 февраля 1916 г. был произведен в полковники⁷. В октябре 1917 г. на волне создания в русской армии национальных частей стал командиром эстонского запасного батальона в Юрьеве (Тарту). Там же 21 ноября 1917 г. возглавил массовую демонстрацию военных и местного населения в поддержку независимости Эстонии. Тогда был исполнен эстонский гимн, а батальон салютовал эстонскому флагу. Наш коллега из Тарту Т. Таннберг назвал Розенбаума «одним из самых выдающихся кадровых офицеров-эстонцев, сделавших успешную карьеру в российской армии»⁸. Впрочем, такая оценка излишне благожелательна для офицера.

За организацию демонстрации Розенбаум был арестован в Юрьеве красными, но на следующий день после суда, 25 ноября, освобожден, согласившись служить под контролем комиссаров. Популярность командира батальона была такова, что в январе 1918 г. солдаты переизбрали его на этот пост. 24 февраля 1918 г. Юрьев заняли германские войска. Через несколько дней, когда немцы стали требовать регистрации и сдачи оружия, Розенбаум решил бежать в Сызрань, где у него осталось имущество. Планировал все продать и уехать в Добровольческую армию на Юг России. Однако судьба распорядилась иначе.

В марте 1918 г. он добрался до Сызрани, жил у знакомых офицеров, но пока продавал вещи, выяснилось, что на Юг уже не пробраться. Тогда возникла идея вернуться в Эстонию, но уверенности, что это осуществимо, не было. Пока же Яков Михайлович остался жить в Сызрани, куда съехалось немало бывших офицеров Усть-Двинского полка. Вместе с другими офицерами Розенбаум занялся рыболовством. Были куплены неводы, лодки и прочее имущество, но разрешения властей получить не удалось. Также им не разрешили арендовать фруктовый сад. Как считал сам офицер, все делалось для того, чтобы люди искали выход в поступлении на службу в РККА. В городе сторожевую службу несли мадьяры, которые, как отмечал мемуарист, в 21 час уже открывали стрельбу в знак того, что уличное движение прекращается⁹. Когда в мае 1918 г. против большевиков восстал Чехословацкий корпус, в Сызрани начались притеснения бывших офицеров. Розенбаум некоторое время даже жил в лесу и охотился на уток, а еду ему носили бывшие солдаты.

Летом 1918 г. Розенбаум принял участие в восстании против большевиков в Поволжье и занялся формированием полков для Народной армии Комуча. Как свидетельствовал офицер, при смене власти происходила неразбериха, массово расхищалось оружие, а в итоге нечем было вооружать войска. Всем руководили представители партии эсеров. Удалось сформировать три полка, но ключевые посты в них заняли русские офицеры, что задело нашего героя. Он сформировал собственный полк, назвав его, как в старой армии, Усть-Двинским, однако Комуч изменил название на 6-й Сызранский. Эти части вошли в состав 2-й Сызранской стрелковой дивизии.

Далее офицера назначили в г. Хвалынский. Там он попытался организовать эстонскую воинскую часть, но из этого ничего не вышло. В дальнейшем он командовал 7-м Хвалынским стрелковым полком¹⁰ и служил под начальством полковника Ф. Е. Махина.

Как вспоминал Яков Михайлович, действовать приходилось в хаотической обстановке и при полном отсутствии имущества, в особенности оружия и боеприпасов: «С оружием было очень плохо. Было несколько обычных трехлинейных винтовок, но они настолько проржавели, что вряд ли кого-то можно было бы из них убить. Значительную часть оружия составляли винтовки систем Бердана и Ветерли, которые были такими ржавыми, что стрелять из них было невозможно. На каждую берданку было по 5–10 патронов. Также было три пулемета. Линия, которую полк оборонял, была свыше 15 верст длиной. Таким образом, полк был практически не готов к обороне»¹¹.

По вопросу формирования эстонских частей Розенбаум побывал в Омске. В письмах его приезд описан довольно подробно. В Омске 18 ноября 1918 г. офицера застал государственный переворот. Затем Розенбаум отправился на фронт ко 2-й Сызранской стрелковой дивизии, к тому времени отступившей от Самары на Оренбург. В 7-м Хвальинском полку он рассчитывал получить жалованье за несколько месяцев. Однако в итоге «попал в руки к таким авантюристам, спасения от которых не было»¹².

Любопытно описание Оренбурга: «Ничего особенного в городе нет, куча домов, разбросанных посреди широкой степи, и больше ничего; трамваев нет. В городе велась какая-то мелкая торговля, но все было, по обычаю того времени, очень дорого; например, веретено с нитками стоило 15 рублей, самый дешевый обед — 6–7 рублей. В городе было полно казаков. Кафе были битком набиты приезжими, в основном женщинами. Тонкий хлеб было легко достать, и он стоил 5 рублей за фунт (самый дешевый, конечно). Пару дней пожил у знакомых, посмотрел город, сходил в кино»¹³.

7 декабря 1918 г. Розенбаум прибыл в полк. Вскоре после этого состоялась его встреча с начальником дивизии полковником А. С. Бакичем, который предложил Розенбауму командовать бригадой. Последний не подозревал, что в итоге надолго задержится на службе и совершит колоссальный поход до Западного Китая, а затем и в Монголию.

Одно из разочарований офицера касалось казачества: «В газетах казакам вечно складывали хвалебную песнь об их якобы великой храбрости и любви к свободе. Здесь я увидел, что дела обстоят совсем по-другому. Как выяснилось, среди казаков было очень много большевиков, и в Красной армии были большие отряды казаков — под предводительством казачьего офицерства. Те казаки, которые воевали против красных, якобы сговорились, что они защищают от красных только свои казачьи земли, однако те земли, где живут крестьяне, а не казаки, они не защищают. Красные в первую очередь заняли крестьянские земли, а потом вторглись на земли казаков»¹⁴.

Розенбаум вспоминал, что атаман А. И. Дутов не доверял неказачьим частям. Например, 2-я Сызранская стрелковая дивизия под Оренбургом на некоторое время была даже разоружена. У нас нет таких данных, но, возможно, подразумевался какой-то локальный инцидент. Также не исключено, что это было связано с нехваткой боеприпасов.

В дивизии Розенбауму довелось встретить земляка — начальника штаба подполковника И. И. Смольнина-Терванда. Последний сообщил, что в Эстонию не собирался, так как его устраивала служба в России. Розенбаум же, наоборот, стремился домой.

Положение на фронте было тяжелым. Ходили слухи о нежелании башкирских частей воевать за казачьи земли и об их стремлении покинуть фронт, что в итоге и произошло — башкирские войска в феврале 1919 г. перешли на сторону красных. Именно на башкир Розенбаум возлагал ответственность за неудачи Отдельной Оренбургской армии, вынужденной отступать под натиском красных. Впрочем, отмечал он и ненадежность самих казаков, составлявших костяк армии. Обстановка усугублялась сильными морозами.

Мемуарист отмечал, что боеспособность красных была не лучше, а побеждали они лишь потому, что белых было очень мало и войска никуда не годились. Части Бакича в январе 1919 г. обошли Оренбург с севера и стали отходить далее. Отступление было стремительным — некоторые переходы составляли по 30–40 верст в сутки. Казаки 21 января оставили Оренбург и, как считал Розенбаум, просто бежали от красных. Впрочем, возможно, в таких суждениях сказывалось стремление переложить вину за неудачи на соседей.

При отступлении трудно было найти ночлег и пропитание, а карты были очень плохи, поэтому командование в лице Розенбаума (к этому времени он уже командовал дивизией, а в июне 1919 г. его сменил генерал-майор И. Е. Цюманенко) порой не знало, куда двигаться. Численность дивизии была невелика: на 2 марта 1919 г. она составляла всего лишь 1042 штыка при 42 пулеметах и 5 орудиях¹⁵. Если не считать большого количества пулеметов и наличия артиллерии, фактически это численность батальона военного времени. Мемуаристу особенно запомнился бой у пос. Янгельского ст. Магнитной.

Розенбаум критически отзывался о генерале Бакиче, ставшем командиром IV Оренбургского армейского корпуса, в который вошла и 2-я Сызранская стрелковая дивизия. Мемуариста возмущало стремление Бакича перекладывать ответственность

за неудачи на других. Недовольство вызывало и незаслуженное, как считал Розенбаум, производство в генеральский чин. В конце воспоминаний, описывая Бакича уже в Семирежье в 1920 г., Розенбаум назвал его идиотом, произносившим одну и ту же агитационную речь десятки раз. В той речи Бакич говорил о необходимости борьбы против евреев, которые захватили страну, призывал восстановить границы по состоянию на 1913 г.

В марте 1919 г. белые перешли в наступление. По причине спешного отхода красных удавалось захватывать богатые трофеи. Белых было мало, но снабдить обмундированием даже такое количество оказалось проблематично. Снабжение запаздывало, а бойцы весной донашивали зимнюю одежду. В другом месте воспоминаний их автор обрушивался на интендантство за то, что ему было проще отдать имущество противнику, чем одеть своих солдат. Дефицит касался и командиров. В частности, сам Розенбаум по неосторожности сжег сушившиеся сапоги и потом не мог достать нормальную обувь.

Дивизия Розенбаума наступала на Стерлитамак. По-видимому, бои были не всегда напряженными. Например, мемуарист свидетельствовал, как целыми днями занимался рыбной ловлей на р. Ик. Летом 1919 г. он решил все же уехать в Эстонию, придумав авантюрный маршрут через Пермь, рр. Печору и Мезень к Белому морю и далее в Колу и Финляндию. Однако реализовать замысел не удалось из-за того, что мемуарист получил ранение.

Дивизия отступала и участвовала в боях под Белорецком и Верхнеуральском. Вновь были длинные переходы, а войскам не хватало боеприпасов. Сильного стремления воевать (как отмечал мемуарист — за свободу) у бойцов не замечалось. Под Верхнеуральском Розенбаум был ранен в левое бедро.

По пути в госпиталь, находившийся в ст. Кизильской, Розенбаум встретил части только что сформированной 11-й Сибирской стрелковой дивизии, которые произвели на него очень хорошее впечатление. У всех было новое английское обмундирование, новые винтовки. Отметим, что аналогичное свидетельство об этой дивизии оставил и генерал С. А. Щепихин¹⁶.

В Кизильской мемуарист столкнулся с тем, что госпиталь перевели в Орск, а рану было нечем даже перевязать. Кроме того, прервалось железнодорожное сообщение с Сибирью, в результате чего Розенбауму пришлось продолжить службу в Южной и Оренбургской армиях, приняв участие в отступлении до границ Китая.

Из Кизильской наш герой добрался до Орска, который был, по его мнению, «хуже какого-нибудь еврейского квартала в Польше. Улицы были не чищены, повсюду стояла пыль, валялся мусор и самые разнообразные отходы. Все дома были бедными и убогими. Там жили в одной куче вперемешку русские, татары, евреи. Хуже всего обстояло дело с санитарией. Больниц было чересчур мало, врачей еще меньше. Раненые валялись на полу, у них не было ни белья, ни одежды»¹⁷.

Состояние санитарного дела в Южной армии оставляло желать лучшего. Помимо нехватки врачей не было санитаров, а вместо них работали пленные австрийцы. Госпиталь был переполнен, медицинских материалов не хватало, оборудования типа рентгеновского аппарата, чтобы подготовиться к операции по извлечению пули, не имелось. Розенбаум решил вместо Сибири попытаться уехать на Юг России через Каспийское море. Якобы таков был план отхода Южной армии. Но и эта затея оказалась несбыточной.

Южная армия оставляла Орск. Розенбаум вместе с другими офицерами опасался попасть к красным в плен и быть расстрелянным, как уже было с их предшественниками при предыдущем оставлении белыми города. В итоге его избрали старшим от раненых, после чего Розенбаум провел переговоры с исполнявшим должность генерала для поручений при командующем Южной армией генерал-майором Л. А. Гафнером и настоял на эвакуации. Тем не менее в городе остались тысячи раненых и больных солдат. Розенбаум констатировал, что пока ты здоров и воюешь — ты нужен, а случись несчастье — «подохнешь, как собака под забором — не найдя нигде ни врачебной помощи, ни простого участия»¹⁸. По его мнению, подобное безразличие существовало только в России. Становилось ясно, что белые обречены.

Затем мемуарист добрался до Актюбинска. Там тоже госпиталь был переполнен. Больные и раненые лежали на полу, даже без подстилки. Медицинского персонала не хватало. Врач посоветовал Розенбауму и его спутникам уезжать, чтобы не попасть в плен.

Кратко упомянул мемуарист авантюрный замысел генерала Белова наступать в Туркестан для зимовки там. На ташкентское направление были брошены части полковника Л. Д. Василенко, с которым Розенбаум конфликтовал. Но замысел Белова не сработал.

На станции Челкар Розенбаума после врачебной комиссии выгнали из госпиталя, хотя он еще не вылечил ногу и едва мог ходить. Он не знал, что делать дальше. В итоге купил телегу и, чтобы не попасть в плен, отправился по степи в г. Иргиз. Далее, встретив знакомого офицера, он проследовал до Тургая.

Из мемуаров становится понятно, что Розенбаум придерживался примитивных антирусских националистических воззрений. Например, он не стал знакомиться с молодой женой своего сослуживца-эстонца, посчитав ее врагом: «Испортит эстонского мужчину. После русской женщины мужчина, естественно, уже не может считаться мужчиной»¹⁹. Неясно, каким образом при таких взглядах он оказался у выдвигавших русские патриотические лозунги белых. Умственные способности и знания офицера оставляли желать лучшего. В частности, он считал ерундой демографические данные о русском народе, полагая, что русских намного меньше, а другие народы России многократно их превосходят по численности.

В письмах интересны наблюдения о маршруте движения их автора, о поведении казахов и об их вооруженных формированиях. Присутствуют и довольно едкие характеристики. Например, о смене командования армией с генерала Белова на Дутова (что сопровождало смену названия армии с Южной на Оренбургскую) Розенбаум писал: «На место Белова пришел генерал Дутов, и мы надеялись, что он будет умнее и будет держать свою армию поближе к Сибирской армии, но выяснилось, что этот человек был еще более бестолковым, чем все предыдущие»²⁰.

Розенбаум считал ошибочным решение Дутова о переносе штаба армии в Акмолинск, так как там существовала угроза окружения. Кроме того, в его понимании неправильным было отделение Оренбургской армии от главных сил колчаковского фронта. Мотивы же были честолюбивыми — Дутову не хотелось терять статус независимого командующего. Виновником ошибочных мер мемуарист называл нового начальника штаба армии — генерала И. М. Зайцева.

Воспоминания повествуют и о приходе дутовцев в Семиречье, где верховодил атаман Б. В. Анненков. Дутовцы были в Семиречье чужими, что и зафиксировал мемуарист. Розенбаум обратил внимание на настойчивость красных, преследовавших белых буквально до границ Китая.

Мемуарист считал, что у русских чувство собственного величия затмевало разум. Очевидно, речь шла о непрагматических решениях белых и неспособности договориться с реальными и потенциальными союзниками. С этим, видимо, можно согласиться.

Лица, стоявшие во главе дивизии, в которой служил Розенбаум, постоянно менялись. В этом качестве он упоминал полковника Бакича, себя, а также генералов И. Е. Цюманенко, В. А. Вишневого, И. Н. Никитина (с августа 1919). По мере отступления распространялось дезертирство, солдаты убивали офицеров, не хотели воевать. Как итог — печальный вывод Розенбаума и Никитина о невозможности продолжать борьбу «с такой-то армией и с такими-то офицерами, у которых уже не осталось ни стыда, ни чести, ни патриотизма и которые могли воевать только из-под палки»²¹. Для Розенбаума как для кадрового офицера многие пережитые сцены были неприемлемы. В итоге в полном разочаровании от исхода борьбы и при неопределенности дальнейших перспектив он решил покинуть службу.

В конце воспоминаний Розенбаум описал переход через границу с Китаем. Офицер был одним из участников переговоров отряда Бакича с китайскими властями в марте 1920 г. по этому вопросу²².

О последовавшем интернировании отряда в лагере на р. Эмиль офицер написал: «Живем мы на русский лад, это значит: вокруг все разрушено, выжжено, разорено и загажено. До нас здесь повсюду росли огромные и красивые заросли кустарника, которых теперь больше нет. Навоз лежит повсюду, река загажена, и настолько, что от воды идет вонь»²³.

В лагере распространилось недовольство бытовыми условиями. Началась агитация за возвращение в Россию, на которую немало бойцов поддавалось. Утомленным го-

дами Гражданской войны ветеранам уже было безразлично, что происходит в России, лишь бы их оставили в покое.

12 (25) июня 1920 г. в лагере на р. Эмиль параллельно с написанием письма брату Розенбаум начал составлять воспоминания о Сызранской дивизии²⁴.

В июле 1920 г. Розенбаум покинул лагерь и вместе с группой из 30–40 офицеров отправился в сторону Монголии, чтобы дальше пробраться в Читу или Владивосток к белым. Однако миссия успехом не увенчалась, так как в Урге всех арестовали и посадили в тюрьму.

Когда в 1921 г. Ургу захватили войска барона Р. Ф. фон Унгерн-Штернберга, Розенбаум вышел на свободу и стал служить у Унгерна интендантом. Занимался сельскохозяйственными работами под Ургой. После разгрома Унгерна Розенбауму пришлось скрываться. Некоторое время, с осени 1921 по весну 1922 г., он даже жил в пещере на берегу притока Селенги. Помогали друзья. Но долго так продолжаться не могло. В конце концов пещеру обнаружили, пришлось бежать и нелегально перейти на советскую территорию.

Там офицер попал в руки советских властей. Был арестован, судим и отправлен на Соловецкие острова. О своем положении ему удалось сообщить в Эстонию брату. Эстонские дипломаты в 1923–1924 гг. просили об освобождении офицера, но ничего не добились. Наркомат иностранных дел 30 сентября 1924 г. отказал в удовлетворении ноты эстонских представителей, поскольку формально Розенбаум не имел эстонского гражданства.

В письме брату от 28 июня 1924 г. Яков Михайлович сообщал: «Дорогой брат! Уведомляю тебя, что я все-таки еще жив и в настоящее время даже довольно здоров. Весною я болел цингой в сильной степени, так что стоило мне очень больших трудов, чтобы не прилечь в постель... Немного могу сказать тебе о своей жизни... Она протекает, как и можешь себе представить, серо; но духом я не падаю. По наружности я, по всей вероятности, такой, что ты меня никогда не узнал бы. Я ношу бороду, которая вся седая стала... от множества переживаний после того времени, как сделал эту роковую ошибку, что выехал из дому спасать свое имущество, которое теперь все равно пропало до ниточки»²⁵. Речь шла о том времени, когда офицер покинул Эстонию в 1918 г. Далее в письме он жаловался: «Ноги действуют плохо, и пройти с версту стоит мне больших трудов. Но, несмотря на все это, я пару раз все-таки удил рыбу на озере. Климат очень неважный. Главным образом изводят меня холода и сырость. В настоящее время, хотя и снега нет, но шуба все-таки не лишняя»²⁶.

Будущее тревожило Якова Михайловича. В последнем письме брату от 12 марта 1925 г. изложены размышления на этот счет: «Когда было еще много сидеть, то горевал, что много; теперь осталось сравнительно немного, и вот опять горе в том, что неизвестно, куда пошлют или разрешают идти после окончания срока... Отправиться на родину вряд ли разрешат, так что об этом мечтать нечего»²⁷. Существовала надежда на обмен на кого-то из арестованных в Эстонии, но она не реализовалась.

Когда Розенбауму оставалось до конца срока порядка трех месяцев²⁸, он неожиданно ушел из жизни. Произошло это на Соловках 2 апреля 1925 г. По описанию его товарища, этой смерти можно было избежать — Розенбаум, будучи в расцвете сил, неожиданно потерял много крови из-за сильнейшего носового кровотечения, а затем лежал в больнице под открытой форточкой и заболел крупозным воспалением легких. Сказались и последствия полученных ранений²⁹. Его мечта бороться за независимую Эстонию так и не осуществилась.

Воспоминания Розенбаума, впервые переведенные на русский язык, представляют собой ценный источник. С одной стороны, в них содержатся прежде неизвестные фактические данные, а с другой, они дают возможность понять, как воспринимались события одним из их участников. Сквозь призму восприятия этого мемуариста мы можем лучше понять причины поражения белых.

Как ни парадоксально, в Белом движении, даже на руководящих постах, участвовали те, кто мог абсолютно не разделять идеологию этого движения. Таким человеком и был Розенбаум. Он, хотя и являлся кадровым офицером русской армии, полковником, кавалером Георгиевского оружия, постоянно подчеркивал, что Гражданская война велась за чуждые ему интересы. Мемуарист не только не ассоциировал себя с

русскими, но, наоборот, был настроен явно антирусски. Тем не менее, при презрении к русскому народу, он почти два года боролся против большевиков, за единую неделимую Россию и занимал высокие посты вплоть до начальника дивизии.

Череди поражений колчаковских войск привела мемуариста к полному разочарованию в смысле и перспективах борьбы, а последующие лишения заставили смотреть на свой выбор в 1918 г. как на фатальную ошибку, чем он в итоге и оказался.

Примечания

¹ *Rosenbaum J.* Näljas, alasti ja rahata. Tallinn, 2015.

² Национальный архив Эстонии (ERA). Ф. 3588. Оп. 1. Д. 12.

³ Там же. Д. 1. Л. 1.

⁴ Высочайший приказ от 7 февраля 1916 г.

⁵ То же от 6 марта 1915 г.

⁶ То же от 15 марта 1915 г.

⁷ Подробнее о дореволюционной службе см.: *Таниберг Т.* Офицеры-эстонцы в российской армии: полковник Яак Розенбаум (1871–1925) // Россия и Балтия. М., 2006. Вып. 4. С. 135–152.

⁸ Там же. С. 135.

⁹ ERA. Ф. 3588. Оп. 1. Д. 12. Л. 5 об.

¹⁰ *Каревский А. А. В. О.* Каппель и Народная армия: к истории антибольшевистской борьбы в Поволжье в 1918 г. // Каппель и каппелевцы. М., 2007. С. 687.

¹¹ *Rosenbaum J.* Op. cit. Lk. 38.

¹² Ibid. Lk. 62.

¹³ Ibid. Lk. 62–63.

¹⁴ Ibid. Lk. 64–65.

¹⁵ *Ганин А. В.* Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004. С. 63.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 6 об.

¹⁷ *Rosenbaum J.* Op. cit. Lk. 85.

¹⁸ Ibid. Lk. 87.

¹⁹ Ibid. Lk. 97.

²⁰ Ibid. Lk. 101.

²¹ Ibid. Lk. 131.

²² Подробнее см.: *Ганин А. В.* Указ. соч. 110–111.

²³ *Rosenbaum J.* Op. cit. Lk. 145.

²⁴ ERA. Ф. 3588. Оп. 1. Д. 12.

²⁵ Там же. Д. 6. Л. 3, 5–5 об.

²⁶ Там же. Л. 5 об. – 6.

²⁷ Там же. Л. 1.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Д. 2. Л. 21–23.